

Ф. И. Н О Т О В И Ч

О ПОПЫТКАХ АВСТРИЙСКО-ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ВОВЛЕЧЬ БОЛГАРИЮ В МИРОВУЮ ВОЙНУ В АВГУСТЕ 1914 ГОДА

Война в 1914 г. началась не так, как того хотели кайзеровская Германия и Габсбургская монархия. Германский генеральный штаб вынужден был отправить на Западный фронт против Франции больше войск и в Восточную Пруссию больше корпусов, чем предусматривалось вначале. Однако идея Шлиффена в основном не была нарушена: соотношение германских корпусов между Западным и Восточным фронтами не изменилось. Но Австро-Венгрии пришлось одной вести борьбу в Галиции с Россией и на Балканах с Сербией, так как Италия и Румыния не выступили на стороне своих союзников, и Австро-Венгрия должна была оставить около трех корпусов на границе с Италией и некоторые части на румынской границе.

Все это заставило австро-венгерскую дипломатию приложить большие усилия, чтобы в августе 1914 г. вовлечь Болгарию в войну и тем несколько облегчить положение австро-венгерской армии. Однако болгарское правительство не проявляло желания ввязываться в войну. Глава болгарского правительства Радославов не подписывал уже согласованные с Германией и Австро-Венгрией союзные договоры, считая целесообразным выждать развития событий, решающих битв на Восточном и Западном фронтах и лишь тогда принять окончательное решение. Прогерманские настроения Фердинанда I и Радославова были очевидны. Но учитывая наличие в стране буржуазной антантофильской оппозиции и необходимость залечить раны, нанесенные балканскими войнами, болгарские правители лавировали, выжидая удобного момента. Болгарские правящие круги охотно поддерживали австро-венгерские угрозы Румынии и Греции с целью удержать их от вступления в войну на стороне Антанты¹; они даже с некоторым рвением оказывали политическую помощь своим фактическим союзникам, но вступить в войну болгарские руководящие круги в августе 1914 г. не собирались. Эту линию поведения болгарских правителей не могли сломить ни уговоры и обещания дипломатов Антанты, ни посулы дипломатов Центральных держав. Отказ правительств Италии и Румынии выступить на стороне Центральных держав и невозможность бросить в бой болгарскую армию, освободив тем самым находившиеся на сербском фронте австро-венгерские войска для операций в Королевстве Польском и Галиции, сильно озадачили германские и австро-венгерские правящие круги.

Отвечая на упреки Конрада фон Гётцендорфа в невыполнении обязательства послать германские войска на помощь австро-венгерским для совместной борьбы против русских войск, фон Мольтке-младший телеграфировал 5 августа 1914 г.: «Мы должны схватить Францию за шиворот в открытом поле; мы не можем вести месяцами крепостную войну на ее забаррикадированной восточной границе, так как необходимо как можно скорее добиться решения. Поэтому нам понадобились Льеж и прохождение через Бельгию». Успокаивая Конрада побасенками о том, что русская армия якобы добровольно очищала Польшу, тогда как в действительности она концентрировалась на Немане и за Наревом для вторжения с двух сторон в Восточную

¹ «Дипломатически документи по намесата на Бългaрия в европейската война», т. I (далее — БДД, I). София, 1920, № 239, 249.

Пруссию, Мольтке уверял, что после завершения развертывания германской армии начнется «борьба, которая решит исторический ход событий ближайшего столетия»².

Пока же германская армия будет занята решением исторических судеб «ближайшего столетия», Мольтке советовал своему австро-венгерскому коллеге использовать «помощь Турции, Греции и Румынии, бросить болгарскую армию на Сербию, а свои собственные войска на сербской и итальянской границах перебросить на русский фронт». «Соберите все силы против России... — призывал Мольтке. — Бросьте же болгар на сербов... Теперь должна быть лишь одна цель — Россия!»³.

Конрад был совершенно согласен с Мольтке, что для Центральных держав самым лучшим решением вопроса было бы вновь втянуть болгар в братоубийственную войну против сербов и заставить последних очистить Балканский полуостров для австрийской монархии и германской империи. Однако болгарские правители на сей раз не разделяли подобной точки зрения. Несмотря на договоренность с Берлином и Веной, болгарские правящие круги не спешили вовлекать страну в войну, а австро-венгерская армия генерала Потioreка одна не могла справиться с сербами. 6 августа австрийский посол Тарновский и военный атташе Австро-Венгрии Лакса донесли из Софии, что, пока австро-венгерские войска не будут иметь успеха в Сербии, Болгария не выступит, ибо она «ожидает решающего удара в Сербии». Конрад сопроводил эти донесения следующим замечанием: «Нет нужды долго объяснять, насколько нужна помощь Болгарии для нанесения удара»⁴. Венские дипломаты оказывали настойчивое давление на Болгарию и Турцию, желая получить, по совету Мольтке, помощь их армий. «Как только болгары перейдут сербскую границу, — писал Конрад фон Гётцендорф Берхтольду, — тотчас и наши войска двинутся против Сербии: однако главный удар должен быть нанесен в Галиции»⁵.

Но в Берлине существовал еще и другой план использования Болгарии в начавшейся войне. Германские правящие круги намеревались потребовать у правительства Радославова сейчас же после заключения болгаро-турецкого союза пропуска через территорию Болгарии 250-тысячной турецкой армии под командованием немецкого генерала Лима фон Сандерса. К ней должна была присоединиться болгарская армия, а также румынская. Всю эту массу войск предполагалось двинуть в южную Россию. За участие Болгарии в осуществлении этого явно авантюристического плана германские милитаристы готовы были обещать болгарской буржуазии всю Сербию. Это вызвало крайнее недовольство австро-венгерских империалистов. Конрад дважды в течение одного дня лично и через германского военного атташе Кагенека телеграфировал Мольтке: «Нельзя сейчас идти на неопределенные мероприятия. Необходимо немедленное наступление Болгарии из Зайчара и Пирота на Крагуевац». Конрад настаивал на энергичном воздействии на правительство Радославова. Он послал вслед за вышеизложенной депешей поручение военному атташе в Софии Лаксе принять все меры к тому, чтобы болгарские правители не мешкали и предприняли мощное наступление по линии Пирот — Зайчар на Крагуевац. Лаксе должен был внушить им «не вести неопределенных переговоров с турками и румынами»⁶.

В Берлине, наконец, вняли настойчивым призывам Конрада фон Гётцендорфа и отказались от беспочвенного намерения бросить через болгарскую территорию турецкую армию и вместе с ней болгарскую и румынскую армии на Россию. Но за эту «уступку» австро-венгерские союзники должны были отказаться от своих требований немедленной посылки им на помощь германских войск. Мольтке сообщил Конраду, что он очень желает, но не может послать Австрии германские войска: «Мы уже дошли до крайности и призвали ландштурм. Мы должны добиться решающего успеха на Западе, это для нас вопрос жизни. Вы сами знаете, как охотно я хотел бы помочь, но этого нельзя сделать». Мольтке предлагал Конраду самому воздействовать на бол-

² F. Conrad v. Hötzen-dorf. Aus meiner Dienstzeit, Bd. IV. Wien, 1925. S. 193—194.

³ Ibid., S. 194—195.

⁴ Ibid., S. 183, 190.

⁵ Ibid., S. 185—186.

⁶ Ibid., S. 190.

гарское правительство: «Разве вы сами не можете это сделать? У вас же имеется союз с этой публикой». Одновременно Мольтке обратился к германскому статс-секретарю по иностранным делам фон Ягову с просьбой оказать давление на правительство Радославова: «Болгария должна немедленно выступить против Сербии, в результате чего Австрии была бы оказана реальная помощь. Идея бросить болгарскую армию через Румынию невыполнима, и Румыния никогда этого не разрешит. Румыния заявила, что она не будет вмешиваться и спокойно разрешит Болгарии действовать. Я не верю, чтобы Греция выступила на помощь Сербии в том случае, если Болгария допустит Грецию к участию в разделе добычи»⁷.

Болгарская правящая клика жаждала «добычи», но она вовсе не намерена была ее теперь сама добывать и еще меньше — делить ее с кем-нибудь. Конечно, недостатка в воздействиях Вены на Софию не было, но они были настолько неуклюжими, что выдавали слабость и беспомощность австрийцев на Балканах. Желая побудить Болгарию к нападению на Сербию, Конрад, например, заявил 10 августа болгарскому военному атташе подполковнику Тантилову: «Для Болгарии нет более благоприятного момента, чем настоящий, для извлечения из него наибольшей для себя пользы. Мы атакуем Сербию и без вашей помощи, но успех не будет так быстр и поразителен, а польза для вас не будет столь велика. Вам необходимо незамедлительно объявить мобилизацию и угрожать сербам наступлением в направлениях Зайечар — Крагуевац и Пирот — Ниш... Со стороны Румынии нет никакой опасности для вас. Румыния нас заверила, что она совершенно оставит вас в покое»⁸. Конрад внушал Тантилову, что «Болгария совершит большую ошибку по отношению к себе самой, если она тотчас не выступит против Сербии»⁹.

В этом самоуверенном заявлении, которым Конрад неудачно пытался скрыть слабость Австрии, не было и грана правды; оно было сделано только для того, «чтобы скрыть собственное беспокойство и предупредить Болгарию, что ей нечего ожидать какой-нибудь поживы, если она останется в стороне»¹⁰.

12 августа последовал новый нажим. Болгарского посланника в Вене Станчова пригласили в военное министерство и заявили ему, что австрийское наступление против Сербии начнется в ближайшие дни. «Настал наиболее благоприятный случай,— подчеркивали австрийские военные руководители,— для немедленного объявления Болгарией мобилизации и нападения на Сербию. Мы сами в состоянии справиться с Сербией, но, ввиду нашего желания быстро перебросить свои силы на север, мы считаем, что помощь Болгарии наиболее пригодна для скорейшего преодоления сопротивления противника. Сама мобилизация Болгарии потрясет Сербию. Взятые у Сербии Болгарией земли будут ей оставлены». Румыния, уверяли австрийцы, не должна опасаться. «Она обязалась не противодействовать Болгарии» и отказалась защищать условия Бухарестского договора. Турция также торжественно заявила правительствам Центральных держав, что она будет действовать согласованно с Болгарией. Станчов прокомментировал отправленное им в Софию сообщение о своем посещении австрийского военного министерства следующим образом: «Из этого заявления следует, что австрийское правительство, которое прежде требовало, чтобы мы были спокойны до выяснения положения, теперь считает момент наиболее удобным для активного вмешательства Болгарии»¹¹.

Австро-Венгрии пришлось открыть военные действия на Балканах, так и не добившись выступления Болгарии против Сербии. Однако попытки толкнуть Болгарию на войну с Сербией продолжались и после этого. 14 августа Конрад вызвал к себе Тантилова и попросил его протелеграфировать в Софию: «Настоящий момент очень важен для Болгарии и не надо его упускать... Не мешкайте, потому что ваша помощь может опоздать, и будьте уверены, что если мы сами без вас разобьем сербов, то вы не получите Македонии»¹².

⁷ F. Conrad v. Hötendorf. Aus meiner Dienstzeit, S. 203.

⁸ БДД, I, 328.

⁹ F. Conrad v. Hötendorf. Aus meiner Dienstzeit, S. 200.

¹⁰ Ibid., S. 193.

¹¹ БДД, I, № 338.

¹² БДД, I, № 352.

В тот же день Станчова вызвали в министерство иностранных дел, где граф Форгач (один из вдохновителей агрессивной австро-венгерской политики на Балканах) заявил, что военное содействие Болгарии в войне против Сербии вовсе не нужно Австро-Венгрии. Если она все же добивается участия в войне Болгарии, то это делается исключительно в интересах последней. Имперское правительство, отметил Форгач, считает содействие Болгарии целесообразным, так как оно ускорит расширение войны с Сербией, и благодаря своему военному сотрудничеству Болгария по праву завладеет своими исконными землями, которые останутся в ее владении. Что касается Румынии, подчеркивал Форгач, то в Софии знают, что она не станет мешать Болгарии¹³.

На другой день, 15 августа, эту же мысль внушали болгарскому посланнику в Берлине Маркову, который сообщил в Софию, что «здесь все непоколебимо верят в успех германского оружия», но все же правящие круги Германии желают, чтобы в войне приняли участие Болгария, Турция и Румыния¹⁴.

Приведенное выше заявление Конрада Тангилову о том, что Болгария, если она запоздает со своей помощью, ничего не получит, раскрывало стремление австро-венгерских милитаристов овладеть всей Сербией и аннексировать ее. Однако угроза лишить Болгарию Македонии, если болгарская армия не придет вовремя на помощь австро-венгерской, не оказала должного воздействия. Болгарские правители были хорошо осведомлены, что с теми силами, которыми располагала Австро-Венгрия на своем юго-восточном фронте, ей не удастся добиться решающей победы над Сербией; правительство Радославова также предполагало, что ближайшее столкновение Австро-Венгрии с Россией потребует быстрой отправки выставленных против Сербии войск в Галицию. В результате Болгарии была бы предоставлена «честь» восвать один на один с Сербией ради австро-германских интересов. Этого правительство Радославова стремилось всячески избежать теперь, когда обстановка еще не была ясна. К позиции Румынии болгарские правящие круги относились с большой осторожностью. И в то время как Берлин и Вена, желая втянуть Болгарию в войну с Сербией, соблазнили ее «гарантией» ненападения, якобы полученной ими от Румынии, сама Болгария вела с ней по инициативе Иона Брэтиану непосредственные переговоры по этому же вопросу, протекавшие в полной тайне. Они, как будет показано ниже, закончились неудачей.

Болгарское правительство оказывало помощь Центральным державам, но тщательно скрывало от них, что оно не намерено вступить в войну, пока эти державы сами не справятся с Россией и Францией и не сломят Сербию. «Не надо спешить. Наш нейтралитет может быть нарушен только внешними обстоятельствами», — такова была основная цель, которую преследовало правительство Радославова¹⁵. Чтобы ввести в заблуждение Германию и Австро-Венгрию и скрыть от них свои истинные намерения, болгарское правительство «принимало» их нереальные и авантюристические предложения, но всегда разбавляло своими дополнениями, в результате чего обнаруживалась полная несостоятельность этих предложений. Болгария непрерывно вела переговоры с Турцией о союзе, с Румынией и Грецией о дружественном нейтралитете, преследуя одну цель: не связывать себе руки, по возможности дискредитировать эти страны перед обеими группировками и выиграть время для себя.

Германские правящие круги были крайне озабочены, когда они, всячески навязывая болгарам турецкую дружбу и совместные действия болгарской и турецкой армий против Сербии, слышали от Радославова, что болгаро-турецкий союз не может быть заключен на основе раздела между обоими государствами балканских земель, так как Болгарии нужна вся Фракия и поэтому болгарам нечего делить с турками на Балканах. Болгарские правители неоднократно заявляли, что они решительно настроены против турецкой военной помощи и неодобрительно смотрят на концентрацию турецких войск в Восточной Фракии и вблизи болгарской границы. Объяснения турецкого правительства, что оно делает это из самых честных побуждений, якобы для оказания помощи болгарской армии на случай нападения греческой армии, не удовлетворяли болгар. Они также начали усиливать свои гарнизоны на ту-

¹³ БДД, I, № 349.

¹⁴ БДД, I, № 355.

¹⁵ БДД, I, № 313.

репкой границе, перебрасывая туда войска из других мест, и начали даже готовить частичную мобилизацию запасных.

Стремясь во что бы то ни стало добиться сотрудничества между Болгарией и Турцией, бросить их войска сразу же на Сербию и Россию и освободить австро-венгерскую армию на сербском фронте для отправки на русский фронт, германские правящие круги обещали Болгарии «после победы» над Францией и Россией за эту помощь всю Сербию и Албанию с выходом к Адриатическому морю¹⁶. Это наскоро сымпровизированное предложение было настолько несерьезным и невыполнимым, что не могло соблазнить болгарскую правящую клику. Оно было менее всего выполнимым «после победы» над Россией и Францией. В этом случае Австро-Венгрия никого не допустила бы на берега Адриатики и аннексировала Албанию и Сербию сама, а Германия поддержала бы свою союзницу, так как господство последней на Балканах отвечало интересам германского империализма.

Тогда в Вене возникла другая идея, смысл которой состоял в образовании блока государств из Румынии, Болгарии, Греции и Турции. Главная цель создания этого блока государств заключалась опять-таки в том, что он должен был позволить Австрии увести свои войска с сербского на русский фронт. Задача четверного блока, по замыслу австрийской дипломатии, должна была состоять в противодействии любым попыткам Сербии бороться против Австро-Венгрии. Австрийские дипломаты при этом считали, что основная тяжесть в этой борьбе ляжет на Болгарию, что она одна будет таскать каштаны из огня во славу Габсбургского дома. Все же остальные страны — Турция, Греция и Румыния — останутся нейтральными зрителями. Участники блока, однако, не будут забыты Австро-Венгрией и Германией. После войны Турция приобретает греческие острова, Греция, в свою очередь, сохранит находящуюся в ее владении часть Македонии, Болгария получит Сербскую Македонию, а Румыния удовлетворится болгарской гарантией на захваченную ею Южную Добруджу¹⁷.

Этот вариант передела Балканского полуострова чужими руками не только освободил бы австрийскую армию для действий на русском фронте, но оставлял Австро-Венгрии всю Сербию (в границах до 1912 г.), Черногорию, бывший Новопазарский санджак и Албанию. Затею венских дипломатов одобрила и кайзеровская Германия. Поддержали ее и Болгария и Турция. Болгарские и турецкие правящие круги рассчитывали, что присоединение к этому плану вызовет бесконечные и бесплодные переговоры в четырех столицах и поездки туда государственных деятелей для согласования четырехстороннего договора. На это время им удастся освободиться от непрекращавшегося натиска Германии и Австро-Венгрии, требовавших немедленно вступления Болгарии и Турции в войну, что на данном этапе не входило в планы этих стран. Переговоры о четверном блоке балканских государств позволили бы, по расчетам болгарских и турецких правителей, выиграть время, чтобы продумать свою собственную линию поведения и выждать, пока не определится политическая обстановка после решающих битв на главных фронтах.

В ночь с 8 на 9 августа 1914 г. к болгарскому посланнику в Константинополе Топшеву явились морской министр Турции Джемаль-паша и министр внутренних дел Талаат-бей (вместе с военным министром Энвер-пашой они составляли триумвират, управлявший Турецкой империей) и сообщили ему для передачи в Софию точку зрения турецкого правительства, сводившуюся к следующему:

1. Турецкое правительство считает необходимым сохранять нейтралитет, выжидая развития событий. Оно определит свое окончательное поведение тогда, когда будет ясно, чья сторона берет верх. Турция готова будет перейти на сторону Антанты, если та будет побеждать. В ответ на домогательства Германии и Австрии необходимо отвечать, что отсрочка выступления вызывается трудностями мобилизации и концентрации войск, сбором урожая, загадочным поведением Румынии и опасностью сплочения Греции, Сербии и Румынии против Турции.

2. Турецкое правительство полагает, что Румыния, как и Италия, не останется нейтральной и вмешается в войну в тот момент, когда сумеет извлечь из этого для

¹⁶ БДД, I, № 316.

¹⁷ БДД, I, № 317, 334.

себя максимум выгод. Поэтому Турции и Болгарии нужно следовать примеру Италии и Румынии.

3. Правительство Турции не верит в возможность образования единого блока с Румынией, однако полагает, что такой блок с участием Греции (на основе нейтралитета) возможен и желателен. Это вытекает из предложения румынских правящих кругов найти пути соглашения между Турцией и Грецией.

Оба министра интересовались отношением болгарского правительства к позиции турецкого правительства по коренным вопросам политики и категорически настаивали на сохранении изложенных ими взглядов в полной тайне. Талаат-бей, Джемаль-паша и Тошев договорились о том, что они сообщат о своих переговорах германскому и австрийскому послам следующую версию: Тошев ознакомил Талаата и Джемалья с болгарской точкой зрения на соглашение, а те настаивали на предварительном разделе захваченных территорий. Эту версию надо повторять и в Софии¹⁸. Заявление Талаат-бея и Джемалья-паши Тошеву подтвердил на другой день великий везир Саид Халим и дополнил доверительно, что Турция все более и более склоняется к нейтралитету. Он заявил, что мобилизация в Турции будет замедлена и что во всяком случае она не может быть завершена раньше, чем через месяц¹⁹.

Радославов целиком одобрил точку зрения турецкого правительства по всем трем изложенным Тошеву вопросам. Радославов высказался за образование балканского блока государств из Румынии, Болгарии и Турции, но без Греции²⁰. Это, однако, не помешало ему в тот же день, т. е. 11 августа, поручить болгарскому посланнику в Афинах Пасарову начать с Грецией «откровенные переговоры о заключении союза на дружеской основе»²¹.

9 августа Тошев ознакомил Талаат-бея и Джемалья-пашу с болгарским проектом болгаро-турецкого договора, составленного на основе полученной от Радославова инструкции. Согласно ей Болгария и Турция обязывались: 1) в случае нападения на них совместно защищать целостность своих территорий; 2) строго соблюдать неприкосновенность своих границ; 3) не предпринимать каких бы то ни было военно-наступательных действий против других государств без предварительного согласования цели наступления. Если обоюдные интересы договаривающихся держав потребуют таких действий, то в специальной военной конвенции будет обусловлено все, что касается плана военных действий, численности войск, артиллерии и т. д.; 4) если политическая обстановка потребует прохода войск одной из договаривающихся держав через территорию другой страны, то это может произойти только с ее предварительного согласия. Проект в принципе был одобрен Талаатом и Джемалем²².

Договор был, по-видимому, подписан 12 августа в Константинополе или же неделей позже в Софии²³. Это был оборонительный союз, не направленный против определенной страны. Он не обязывал ни одну из договорившихся сторон слепо следовать за другой и оказывать помощь той стороне, которая сама нападет на третье государство. Договор предусматривал и возможность наступательных действий при условии, если обе стороны заключат по этому вопросу специальное политическое соглашение и военную конвенцию.

Между тем германская и австрийская дипломатия настаивали на немедленном выступлении Турции и Болгарии. Турецкие правители заявили немцам, что Турция не может вступить в войну, если Болгария не будет воевать; болгарам же турки рекомендовали ответить немцам, что Болгария не может начать военных действий, если в войну не вступит Румыния. Талаат и Джемаль просили Тошева сообщить в Софию, что Турции и Болгарии надо отложить срок вступления в войну²⁴. «Давайте выждем до конца», — призывал болгар турецкий министр Давид-бей²⁵.

Болгарские правящие круги в это время уже сами твердо решили выжидать разрывания военных действий на главных фронтах. Германскому и австрийскому

¹⁸ БДД, I, № 322.

¹⁹ БДД, I, № 327.

²⁰ БДД, I, № 335.

²¹ БДД, I, № 333.

²² БДД, I, № 324.

²³ БДД, I, № 337, 368.

²⁴ БДД, I, № 342.

²⁵ БДД, I, № 356.

союзникам, которые все настойчивее требовали нападения на Сербию, Радославов упорно твердил, что болгары не могут выступить, не будучи уверенными, что Румыния останется нейтральной до конца войны. Турецкое правительство в свою очередь заявляло, что Турция не двинется без болгар. Желая разорвать этот заколдованный круг, германская дипломатия пустила в ход все рычаги в Бухаресте, Софии, Афинах и Константинополе и добилась организации встречи руководящих деятелей четырех государств для обсуждения возможности заключения четырехстороннего союза балканских государств. Под прямым давлением Германии турецкое правительство направило 15 августа Талаат-бея и Халил-бея в Софию и Бухарест, где они должны были встретиться с греческими делегатами. Турецким делегатам, которым в румынской и болгарской столицах оказывали энергичную помощь германская и австрийская дипломатия, была поставлена цель — «поработать над образованием блока из Турции, Болгарии и Румынии против России». Турецкое правительство и его делегаты не верили в успех миссии, но они считали, что сама неудача даст положительные результаты. «В крайнем случае,— заявил Талаат-бей накануне отъезда в Софию Тошеву,— можно будет доказать Германии, что если мы ничего не предпринимаем, то это происходит не из-за отсутствия доброй воли, а из-за отсутствия возможностей». Турецкую делегацию больше интересовала не та политическая комбинация, ради которой ее посылали союзники Турции. Она знала, что из этой комбинации ничего не выйдет. Талаат вез в своем портфеле другой турецкий проект соглашения с Болгарией, который он намеревался обсудить с Радославовым²⁶.

Так как почва была уже заранее подготовлена переговорами в Константинополе, 19 августа 1914 г. в Софии был подписан договор, который турецкие правящие круги позже характеризовали как оборонительный договор, гарантирующий Турции благожелательный нейтралитет Болгарии²⁷. Болгарские правители не отрицали факта подписания такого договора, но оспаривали турецкое толкование этого документа.

Менее гладко проходили болгаро-румынские и турецко-румынские переговоры в Бухаресте.

Война в Европе разорвала в клочья Бухарестский мирный договор. Ни Румыния, ни Греция не выступили в защиту этого договора. Румынские государственные деятели, однако, попытались извлечь для себя пользу от отказа защищать постановления Бухарестского договора. 10 августа 1914 г., в первую годовщину подписания Бухарестского мирного договора, Брэттиану принял болгарского посла Радева в летней резиденции короля, во Дворце Синая. Он предложил болгарскому правительству следующее: 1) Румыния не будет поддерживать Бухарестский договор в пунктах, ее не касающихся, и будет соблюдать нейтралитет, если Болгария нападет на Сербию; 2) за это болгарское правительство обязуется в день объявления мобилизации публично заявить, что оно отказывается от каких бы то ни было претензий на территории, уступленные Румынии в 1913 г.²⁸ Предложение Брэттиану было обставлено такой тайнственностью, что его не доверили даже шифрованной телеграмме. Было решено, что Радев отправится лично в Софию для устного доклада Радославову.

Болгарское правительство было очень довольно таким неожиданным оборотом дела. Оно одобрило предложение Брэттиану, согласилось публично отказаться в день объявления мобилизации от Добруджи, но потребовало от румынского правительства, чтобы оно дало письменное обязательство сохранять благоприятный нейтралитет в будущей войне Болгарии с Сербией и доверило болгарскому правительству обнародовать этот документ в день объявления болгарской мобилизации²⁹. Брэттиану решительно отказался дать письменное обязательство. На все доводы болгар о необходимости иметь такое обязательство Брэттиану отвечал, что он и его правительство стоят на почве переданной Радеву конфиденциально устной декларации, но не могут идти дальше этого заверения. «Не домогайтесь создать видимость того, что вас поощряют к военной инициативе,— отвечал Брэттиану.— Когда я считал, что мой долг выступить решительно на стороне Тройственного союза, то мыслилось сделать

²⁶ БДД, I, № 353.

²⁷ БДД, I, № 883, стр. 506; № 3, стр. 702.

²⁸ БДД, I, № 332.

²⁹ БДД, I, № 347.

это открыто, когда Россия объявит войну. Однако это не могло быть осуществлено, потому что Румыния не в состоянии проводить такую рискованную политику. По отношению к Болгарии я желаю действовать так же, как и мой отец: как тот оставался нейтрален, когда Болгария присоединила Восточную Румелию, так и я не буду вам чинить никаких препятствий, когда вы будете воевать за Македонию. Но большего от меня не требуйте»³⁰. Предложение Болгарии прислать в Бухарест авторитетное лицо со специальной миссией продолжить переговоры было отклонено румынами.

Однако на этом не закончились румыно-болгарские переговоры о нейтралитете и отказе Болгарии от Добруджи. Царь Фердинанд в письме королю Каролю от 21 августа предложил объединить усилия двух государств и обоих венценосцев³¹. На аудиенции король сказал Радеву то же самое, что и Брэттиану. Он признал важность болгарских соображений, но положительного ответа не дал и заявил, что трудно будет выработать формулу в духе болгарских требований, которая не скомпрометировала бы Румынию. Король проявил такую осторожность, что даже не ответил Фердинанду на его послание³². Вмешательство австрийской дипломатии с целью побудить Румынию дать Болгарии письменное обязательство и заявление Чернина Брэттиану, что отказ румынского правительства подписать формальное соглашение с Болгарией является враждебным актом против Тройственного союза, ни к чему не привели³³. Брэттиану и король остались непоколебимыми и решительно отказались подтвердить публично и письменно то, что они обещали устно и конфиденциально³⁴.

Политическая игра Брэттиану и короля Кароля с Радославовым и царем Фердинандом кончилась безрезультатно. Брэттиану и король были готовы выдать Сербию и Грецию за отказ Болгарии от Добруджи. Но дать формальную расписку в этом вероломстве и поощрении Болгарии к нападению на Сербию в интересах Германии и Австро-Венгрии и отрезать тем самым все пути к Антанте Румыния не хотела.

Таковыми же бесплодными оказались усилия германской и австро-венгерской дипломатии побудить Румынию и Грецию заключить договор о нейтралитете с Турцией, который предоставлял бы последней свободу действий.

Целых две недели продолжались переезды Талаат-бея и Халил-бея из Софии в Бухарест и обратно. Велись оживленные переговоры с Радославовым и Брэттиану, с царем Фердинандом и королем Каролем, а также с греческим делегатом Заимисом в Бухаресте. Турецкой миссии энергично помогали австрийские и германские посланники в Софии и Бухаресте. Но все это ни к чему не привело. Предложение Талаат-бея договориться с Румынией, если Румыния повторит свое устное заявление, а Болгария опубликует ноту, в которой она принимала бы к сведению румынское заявление, было отклонено Радославовым, как не имеющее никакого значения с точки зрения международного права³⁵. Также неудачно закончились переговоры Талаат-бея и Халил-бея в Бухаресте с греческим делегатом Заимисом по урегулированию спора об Эгейских островах³⁶.

Таким образом, двухнедельная возня по созданию блока балканских государств против Антанты закончилась провалом³⁷. Планы, зарождавшиеся в берлинских и венских канцеляриях, разбивались о непреодолимые противоречия между господствующими классами балканских государств, которых хотели объединить в интересах обеспечения молниеносной победы германского империализма над империалистами Антанты. Попытки австрийской и германской дипломатии заставить Болгарию бросить свою армию против Сербии в августе 1914 г. потерпели крах.

³⁰ БДД, I, № 364.

³¹ БДД, I, № 367.

³² БДД, I, № 372.

³³ БДД, I, № 371.

³⁴ БДД, I, № 374.

³⁵ БДД, I, № 374, 375.

³⁶ БДД, I, № 386.

³⁷ БДД, I, № 368, 371, 381, 389.

